

Автор этих воспоминаний, Александр Иванович Андрусенко, родился 18 октября 1934 года в хуторе Пески Острогожского района. В детстве с семьей пережил фашистскую оккупацию. Впоследствии окончил Одесский институт инженеров морского флота. Работал в разных портах страны на должностях от инженера до начальника порта.

В 1941 году мне шел уже седьмой год, и я хорошо помню ту жизнь. В мае случилось пополнение: родилась моя третья сестричка.

22 июня 1941 года в семье был праздник. Детей одели нарядно, появились новые кум и кума. Они собирались с родителями в Острогожск крестить новорожденную. Все были веселы. Проводив их на станцию, мы с бабушкой вернулись домой: она готовила праздничный ужин.

Поезд из города прибывал на нашу станцию в 15:30. Мы к этому времени побежали к перегону встречать родных. Когда подошли к перегону, были удивлены произошедшей с ними переменой. Мужчины хмурились, молчали, женщины плакали. В городе они узнали, что началась война. Пришли к нам. Из Острогожска также приехали сестры отца и тетя Инна. Позвали соседей. Но самого ужина не было, ни музыки, ни песен, а велись серьезные грустные разговоры.

Теперь наша жизнь разделилась на «до войны» и «после войны».

Первая повестка о призыве в армию в хутор пришла отцу буквально на второй или третий день войны. А потом — пошло-поехало. Призывали всех молодых мужчин, кроме троих. Нагайцев Павел Тимофеевич, железнодорожный машинист Лискинского депо, работал на благо фронта — с первого до последнего дня гонял воинские эшелоны к фронту и обратно. Еще остались сорокалетние Ногайцев Василий Иванович — единственный в колхозе водитель грузовой машины, и мой дядя — Полтавцев Иван Андреевич, колхозный тракторист. У них была бронь от призыва. Их призывали через год — в июне 1942 года.

В хуторе остались женщины, старики и дети. Много детей. Мужчин мало — только те, кому было по пятьдесят лет и старше. Продуктов для армии нужно было много. От колхозов требовали ни в коем случае не снижать поставки продовольствия. К работе привлекли стариков и мальчишек старше двенадцати лет. Школь-

ники с первого сентября отпущались на учебу. Основная тяжесть легла на женские плечи. Мама, из-за того, что у нее был грудной ребенок, работала только в пределах хутора. Так у нее была возможность кормить дочь, за которой приглядывала бабушка. Меня стали привлекать к посильным домашним делам. Радостей стало меньше. Над хутором повисла тревога. По радио только и было слышно: «После упорных боев наши войска оставили город Минск, Смоленск...» И так почти каждое утро. У меня эти новости вызывали досаду и недоумение. Мальчишки уже играли в войну, и всегда побеждала Красная Армия!

А в хуторе появились первая похоронка, потом — вторая, третья...

Девушка, разносившая письма, вскоре не выдержала и отказалась от работы. Ведь ее появление с почтовой сумкой стало вызывать панический страх среди женщин, даже если она просто приходила оставить районную газету «Новая жизнь». Почтальоном назначили парня с завода, мало знакомого с местными жителями.

Почти еще год жизнь шла привычным чередом. Фронт был где-то под Харьковом, и мы его не ощущали. Даже нашу станцию и шедшие через хутор непрерывным потоком по железной дороге эшелоны немцы пока не бомбили. А примерно с середины мая по нашим лугам вдоль Дона и Тихой Сосны с запада на восток пошли гурты и стада, в том числе лошадей. После каждого табуна оставалось несколько подраненных или больных лошадок, не выдержавших перегона. Этих отставших животных забирали местные жители. Таким образом во дворах наших стариков и четырнадцати-шестнадцатилетних хлопцев появились лошади. Власти не препятствовали, так как лошадей нашей колхозной конюшни, коров, овец заблаговременно уже угнали к переправам через Дон. А лошадей фонда РККА и просто лучших лошадок забрали сразу после начала войны. Поэтому из отставших в колхозную конюшню взяли несколько лошадок. Мой дедушка Андрей Захарович тоже привел хромоногую лошадку с потертой холкой. Недели две лечил, подкормил, и она посвежела и перестала хромать. Эта лошадка помогла нам выжить.

Лето 1942 года выдалось очень урожайным. Но с половины июня ходить в колхоз на работу почти перестали. Занимались своим хозяйством. И даже ранее очень строгий и бережливый колхозный пасечник Иван Ермолаевич Ногайцев раньше времени выкачал мед и пригласил ребятишек его отвеждать.

В конце июня в сторону города Лиски непрерывным потоком двинулись эшелоны с красноармейцами, а потом солдаты пошли через хутор пешком. При отступлении солдаты, чей путь проходил через малую родину, нередко оставались дома. Так в хутор вернулся дядя Максим Петрович и отец друга Паши — Максим Устинов. Они сразу переоделись в штатскую одежду и слились с хуторянами.

Мама теперь не ходила на работу в колхоз, и я меньше сидел с младшей сестренкой. Большую часть времени проводил со сверстниками на улице. Так и 10 июля 1942 года мы играли с хлопцами в прятки в ста метрах от дедушкиного дома, возле хлебных амбаров. Их соорудили при образовании хутора для хранения семенного зерна на случай пожара или другого бедствия. В связи с эвакуацией теперь они стояли пустыми и открытыми. Играть здесь в прятки было удобно. Амбары возвышались над землей на столбах из мела и кирпича, а за ними начинался заросший лопухами овражек.

Во время игры мы услышали дальний звук автомобильного мотора. Машина в колхозе появилась перед войной и базировалась в первой бригаде на Луках. Приезжала редко, и для нас это всегда было в диковинку. Так и в этот раз, выбежав из укрытий, мы приготовились встретить наш автомобиль. Но странно: на дороге появилась необычная машина. Небольшая, открытая, тархтела громко. Сидели в ней два человека — один водитель, рядом пассажир. Автомобиль проехал через

Следы фашистской оккупации. Архивное фото

железнодорожный переезд на нашу часть хутора и остановился у колодца, который располагался в центре подгорной части. Двое мужчин в незнакомой зеленой форме, с оружием стали похаживать вокруг машины, разминаясь и осматривая окрестность.

Со двора вышел дед Славы Иванищева — Иван Иванович, и приезжие направились к нему. Подошел и мой дедушка — Андрей Захарович. Он посмотрел на приехавших и подозвал нас: «Хлопцы, немедленно разбегайтесь по домам. Это немцы!» Так в нашу жизнь ворвалась оккупация.

На следующий день была создана местная власть. Вслед за немцами в хутор вошло подразделение венгерской армии — мадяры. Их офицер стал комендантом хутора. Из наших пятидесятилетних мужиков назначили старостой Григория Мирошникова, полицейским — Пантелея Мирошникова. Последний всячески отказывался, но ему пригрозили расстрелом, так что пришлось покориться. В тот же день группа немцев из трех человек, один из которых говорил по-русски, обошла каждый дом, задавая одни и те же вопросы. Я находился у дома, когда они зашли к нам. Начали спрашивать перепуганную мать о членах семьи. Мать показала каждого из нас. Спросили, где муж. Ответила, что умер, боясь, что расстреляют. Не знаю, поверили или нет, но придирались не стали. Наверняка догадывались, что это ложь. Ведь на вопрос об отсутствующем муже остальные женщины отвечали примерно то же.

Но о наличии в семье евреев и коммунистов расспрашивали придиричиво. Нам в этом плане опасаться было нечего. А вот семью дедушки Андрея Захаровича напугали. Их сын-калека Федор Андреевич от рождения был здоровым. Но во время одного из церковных праздников в Дивногорской пещерной церкви, куда бабушка непременно ходила молиться, уснул на меловом полу и застудил ноги, отчего развился туберкулез костей. Бабушка лечила его в Воронеже, возила на крымские курорты. Он выжил, но ноги были изуродованы. Мог ходить с костылями, потом с палочками в обеих руках, потом — с одной. Был он младшим ребенком в семье — на шесть лет моложе моей мамы. Бабушка с дедушкой все внимание уделяли ему. Окончив школу и Воронежский пединститут, он устроился в школу села

Вейделевка преподавателем истории. Там работала уборщицей девушка-сирота Шура. Она начала помогать ему по дому. Это завершилось свадьбой. Просил власти перевести на работу как можно ближе к родителям, и его назначили в школу райцентра Коротояк на должность завуча и учителя истории. Здесь он стал членом коммунистической партии.

Накануне оккупации Коротояка началась паника, и плановой эвакуации не получилось, поскольку немцы приближались стремительно после окружения наших войск под Харьковом. Районное начальство, руководство школы и преподаватели успели эвакуироваться, а Федор Андреевич остался: никто не помог. С женой и годовалой дочерью пешком добрался до родителей в хутор. Хотя расстояние всего семь километров, но для него оно было пыткой. Таким образом оказался в оккупации.

Когда немцы пришли в дом дедушки с осмотром каждого члена семьи, увидев дядю Федю, набросились на дедушку: «Юдэ приютит!» И, схватив дядю Федю, поволокли расстреливать. Бабушка в слезах и криками бросилась за ними: «Не юдэ, а мой сын! Отпустите!» Надо отметить, что и бабушка и дедушка имели чисто славянскую внешность. А у дяди темные волосы, крупный нос, это делало его несколько похожим на еврея. Уже на улице бабушка уговаривала посмотреть фотокарточки. А потом догадалась, что можно попросить позвать соседей, чтобы те подтвердили, что дядя Федя их сын. Позвали соседей. Один из них был только что назначенный староста Мирошников. Соседи подтвердили, что это действительно их сын а староста еще и предложил спросить о Федоре у любого жителя хутора.

Ко всеобщей радости, а людей на шум собралось порядочно, Федора Андреевича отпустили. О том, коммунист ли он, немцы забыли спросить. А он этого боялся. За все полгода оккупации никто об этом не донес, и дядя Федя без проблем дожил до освобождения. Уже после у него возникли проблемы, но другого порядка. Перед нашим изгнанием из хутора, жители в своих садах выкопали ямы и спрятали более-менее ценную утварь: огородный инвентарь, кухонную посуду, самовары и т.п. Как могли, замаскировали. Там же дедушка спрятал диплом об окончании пединститута, партбилет и остальные документы Федора Андреевича. После возвращения из эвакуации обнаружили, что все схроны вскрыты и содержимое исчезло. Магьяры выгребли все и отправили в Венгрию. Так Федор Андреевич без документов стал никем. Пытался восстановить диплом, но архив Воронежского пединститута был уничтожен немцами. Нужно было искать свидетелей, с кем учился, но война всех разбросала... В итоге он стал колхозным бухгалтером и учетчиком, а жена — колхозницей.

Но это случилось позже, а тогда мы начали жить на оккупированной территории. В хутор нагнали мадьяр. Колхозников обязали работать в колхозе, не стали распускать, как собирались. Магьярам нужны были хлеб, овощи, другая пища. Но мою мать на работу не гоняли.

Фронт стабилизировался. На правом берегу Дона закрепились враги, на левом — наши. Интенсивные бои шли в Коротояке, расположенном на самом берегу Дона, на противоположном берегу — в селе Петропавловка. Здесь не прерывались сражения. Магьяры пытались перейти реку Дон и захватить Петропавловку, а наши стремились освободить Коротояк. Борьба сторон на нашем участке Дона сводилась к оружейной и минометной перестрелкам. При этом хутор обстреливался нашими войсками из-за Дона. Это три-четыре километра по прямой. Первый обстрел хутора я запомнил навсегда. Мы с ребятами сидели на длинном перевернутом корыте, раньше служившем для водопоя скота, и играли в карты. Хорошо, что расположились на конце корыта, обращенном к колодцу, а не на другом, приближенном к дому Славы Иванищева, в котором жили магьяры. Смотрим: во двор вбегае один мадьяр с медовыми рамками, за ним другой. Это они ограбили кол-

хозную пашку. Вдур у железной дороги раздался взрыв, потом второй, уже ближе. Третьим нас разбросало с разные стороны. Еще лежа, ощущал голову, пошевелил руками и ногами. Все цело. Ребята тоже не получили ранений. И тут мы увидели у калитки Славиного дома большую черную яму. А вокруг нее разбросаны куски человеческих тел в почерневших лохмотьях мадьярской формы и две поврежденные пчелиные рамки, из сот которых стекал перемешанный с землей мед. Снаряд разорвался у самых ног оккупантов. Мы разбежались по домам.

С этого времени обстрелы стали систематическими, и больше всего мины и снаряды рвались в кронах наших тополей и вокруг дома. Видимо, потому, что во дворе под сенью могучих тополей мадьяры оборудовали пункт питания солдат. Подходящая кухня дымила постоянно, что и привлекало внимание наших артиллеристов.

В другой раз, подбегая к дому во время очередного обстрела, я услышал рыдания мамы и увидел большое кухонное окно без стекла, а двор и мадьярская кухня были усеяны тополиными ветками и листьями. Мама держала на руках годовалую Нину и полотенцем обтирала личико от крови. Оказалось, что сестра не пострадала, но несколько осколков поцарапали щечки. Правда, мне перепало за то, что, по ее словам, я шлялся незнамо где, когда надо было прятаться в погребе. С тех пор при первых же разрывах мать уходила с нами в дом-полуподвал Полтавцевых, живших напротив.

Обстрелы хутора из-за Дона производились не ежедневно, но часто. После одного такого на весь хутор разнесся плач, вой и рыдания женщин. Хлопцы и девчата побежали посмотреть. Звуки раздавались от колхозной кузницы. Мы увидели развалины кузни. Вокруг еще лежали дымящиеся угли. Мертвого кузнеца уже отнесли в сторону, и вокруг тела суетились, плача и причитая, его жена Настя и дочери — пятнадцатилетняя Катя и Мария, лет двадцати. До прихода немцев кузница уже с месяц не функционировала. Но мадьяры заставили кузнеца работать под угрозой расстрела. Тот всячески отнекивался и даже прятался, будто предчувствуя беду. Он был единственным погибшим в хуторе во время оккупации. С ним работал молотобоец, но в момент, когда в кузню угодила мина, он пошел к колодцу за водой. Кузнец Иосиф Пономарев был еще не старый, но возраст уже превышал призывной. Единственный гармонист на хуторе, без него не обходился ни один праздник.

На протяжении почти всего периода оккупации через хутор пробирались из оккупированных тылов на восток, к линии фронта, попавшие в окружение красноармейцы. По хутору были развешаны приказы венгерских оккупантов немедленно сообщать коменданту о появлении окруженцев. За недонесение, а тем более за предоставление им убежища или другой помощи — грозились расстрелом семьи.

Оккупанты сразу принялись грабить население. Через дом от нас в саду Ивана Ермолаевича они установили два тяжелых орудия, которые приволокли громадные лошади-битюги. Здесь же построили большой блиндаж со стенами, обшитыми досками и фанерой. Туда они забрали наш патефон и буфет с лучшей посудой. Правда, за это принесли килограммов десять муки. А дальше...

Еще когда в первый раз они приходили к нам домой, то потребовали у мамы отдать им большие дутые золотые серьги и кольцо, из ушек Клавьи вынудили снять маленькие золотые сережки. Затем уже мадьяры периодически обшаривали дом и сарай с погребом и брали все, что считали нужным. Хорошо, что бабушка до их прихода увез в Острогжск тете Оле мамину зимнюю одежду и постельные принадлежности, которые были даны маме в качестве приданого.

Оккупанты забрали масло, яйца, сметану, творог, молоко, выгребли все, что было съестного в доме и погребе. Теперь, подбив корову и собрав яйца, мать ско-

рее кормила нас и ела сама. У мамы отобрали новое ведро, в котором держали воду для питья. Мама пошла жаловаться коменданту. Тот приказал вернуть ведро. Ей отдали ведро. Только старое и побитое. И пригрозили, чтобы не жаловалась. Бабушка сильно ругала маму за то, что ходила жаловаться.

Дней через десять после появления мадьяр мама перестала посылать меня в сарай за яйцами. К тому времени все куры, а в первую очередь красавец петух, уже были съедены оккупантами. Потом наступил черед голубей. Их в голубятне было очень много. Сначала оккупанты ночами собирали их в мешок, а когда их осталось совсем немного, отстреливали из винтовок, пока не перебили всех. С тех пор на хуторе не появлялись голуби. Нет их и теперь. И лишь коров, как частных, так и колхозных, оккупационные власти категорически запретили своим соотечественникам трогать. Здесь они предпочли постоянное молоко временному мясу.

Довольно быстро мадьяры отобрали жителей, как говорится, до нитки. Находясь в тот момент у бабушки, я стал свидетелем такой картины. В дом вошли два мадьяра. Пошарили по углам и, не найдя чем поживиться, удалились. Через некоторое время зашел третий. Тоже ничего не нашел. Все уже разграблено. И тут его взгляд остановился на дедушке, который сидел на маленьком стульчике и подшивал старые изношенные валенки: добротную обувь отобрали. Мадьяр недолго понаблюдал и взял стоявший у ног дедушки старый деревянный ящичек, в котором хранились принадлежности для ремонта обуви: шила, молоточек, клещи, дратва, деревянные колышки, кусок смолы, куски кожи для заплат и тому подобное. Мадьяр жестом показал дедушке, чтобы тот бросил в ящик и то, что было в руках. Дедушка в сердцах бросил все на пол и вцепился в ящик. Завязалась борьба. Хотя деду было уже 68 лет, но был еще крепок. На шум прибежала бабушка. Бросилась между ними, кое-как растолкала дравшихся и утащила дедушку в другую комнатку. Мадьяр показал, что придет с винтовкой и сделает «пуф-пуф» дедушке. Потом собрал то, что рассыпалось, в ящик и удалился с последним, что оставалось у дедушки с незапамятных лет. Но, следует отметить, что хотя и возникали трения и ссоры между мадьярами и местными мужиками, в нашем хуторе оккупанты ни разу не применяли оружие против населения за все время (примерно два месяца) нашего совместного с ними пребывания в хуторе.

А жертвы были лишь во время первого обхода немцами домов и квартир на Луках, на станции и на заводе. В первый же день оккупации забрали на Луках коммуниста, председателя колхоза Плетенского, крестившего нашу Нину в день начала войны и еще одного коммуниста на заводе. Непонятно, почему они не ушли при отступлении. И уйти-то было недалеко. Коротояк всего в семи километрах, где была переправа через Дон, а там уже и наши войска. Председателя не призвали в Красную Армию, так как была бронь. Председатели колхозов должны были держать хозяйство и выполнять план по сдаче государству продуктов. Этих двух коммунистов увезли в Креницу и у стены церкви, рядом с которой располагался сельсовет, расстреляли. Также расстреливали коммунистов из других сел Крениченского сельсовета и самой Креницы.

Недели через две после занятия хутора мадьярами, начались интенсивные бои в районе Коротояка. Поздними вечерами, когда становилось темно, мы с Гришей выходили из их дома, где теперь проводили вечера, забирались на крышу и наблюдали за происходящим. Дом располагался на пригорке, и с крыши хорошо просматривались вспышки от взрывов снарядов, следы трассирующих пуль, пуски ракет и другие проявления боя. Отсюда мы видели даже зарево над городом Лиски. По прямой это около двадцати километров. Лиски на левом берегу Дона. Там наши. А на правом берегу — мадьяры и немцы. Но что происходило на земле, не видели. Немцы бомбили город, большой железнодорожный узел, где пересекались важнейшие железнодорожные трассы Харьков—Владивосток и Москва—

Ростов. Особенно интенсивно бомбили железнодорожный мост через Дон, а наши его защищали, не давая захватить и уничтожить авиацией. Было видно, как самолеты пикировали на мост, сбрасывая бомбы, а наши выхватывали их из темноты прожекторами и обстреливали из зенитных орудий. Мы радовались, когда самолет попадал в лучи прожекторов и вокруг него появлялись разрывы снарядов. Но попадания по самолетам были редки, нам довелось видеть только раз, когда снаряд попал прямо в самолет и он, густо задымив, вспыхнул и пошел к земле.

С началом боев у Коротояка вдоль дороги от нашего хутора к хутору Луки появились могилки с похожими на наши крестами. Их становилось больше, больше и больше... Подходить не разрешалось. Это мадьяры хоронили своих погибших. Раненых не привозили. Госпиталь находился, видимо, в Острогожске. К моменту нашего изгнания из хутора, кладбище мадьяр с могилами в несколько рядов уже тянулось метров на шестьсот-семьсот до конца колхозного сада.

Бои у Коротояка длились все шесть месяцев оккупации, и райцентр разрушили до основания. А ведь был прекрасный населенный пункт с новым маслоэкстракционным заводом, со строительством которого был сооружен железнодорожный путь от завода до станции Копанице. Также здесь построили специальный склад с подъездным путем для погрузки и выгрузки коротоякских грузов.

Перед приходом немцев все, что можно, эвакуировали. Но остались склады с громадными чанами в земле с готовой продукцией — подсолнечным маслом. В короткий период безвластия у жителей окрестных сел появилась возможность брать масло, кто сколько сможет, так как охраны уже не было. Женщины нашего хутора ходили туда за семь километров и возвращались с наполненными маслом ведрами. Масло из чанов при зачерпывании разливалось, пол вокруг становился скользким, и бывали случаи падения в чаны.

Мама с женой Федора Андреевича тоже сделали несколько ходок за маслом. А дедушка на лошадке отвез часть продукции в Острогожск к тете Оле. Это потом помогло пережить период оккупации и некоторое время после нее.

Жители сел вдоль рек Тихая Сосна и Дон до Острогожска находились в прифронтовой зоне больше двух месяцев. Немцы держали нас до окончания уборки урожая с колхозных полей, отбирая все подчистую. С середины августа пошел слух о предстоящей эвакуации из прифронтовой зоны в тыл.

Жители хуторов Пески и Луки местом эвакуации выбрали Острогожск, поскольку только после 1920 года переселились отсюда на хутора и в Острогожске оставались родственники. Накануне дня всеобщего выселения по распоряжению оккупационных властей комендант и староста отобрали семь семейств, в которых были пятидесяти-шестидесятилетние мужики и объявили, что те должны переселиться на хутор Луки в освобождающиеся дома выселяемых поближе к скотному двору и конюшне, где будут ухаживать за скотом. Эти мужики в сопровождении старосты и нескольких мадьяр, обойдя каждый двор, забирали рогатый скот и лошадок и перегоняли на Луки. Потом ухаживали за животными, возили с лугов заготовленное колхозниками сено и другой корм. Всего было вдоволь. Работавшим колхозникам из собранного на колхозных полях урожая не выдали за трудодни ни единого зернышка, ни одной картофелины, ни кочана капусты. Все шло оккупантам.

Ранее бригадир ударом о вагонный буфер, подвешенный на столбе у сгоревшей кузницы, оповещал колхозников о начале рабочего дня. Теперь же по этому сигналу люди собрались здесь с узлами, корзинками, сумками для эвакуации из родного хутора. Женщины плакали, жалуясь на судьбу. У многих были маленькие дети. Когда руководителю этапа мадьяры доложили, что в домах никого не осталось, скорбная процессия двинулась в путь.

По мере продвижения колонна пополнялась жителями совхоза «Победа», стан-

Причного поселка, хутора Луки, заводского поселка и далее до большого немецкого поселка Рыбное. Здесь немного отдохнули. Рыбное было колонией немецких переселенцев. До войны отец иногда заезжал сюда по пути из Острогжска. Поселок большой, дома крепкие, просторные, везде исключительная чистота. Теперь он стоял пустой. Отсюда всех немцев с началом войны выселили в Казахстан, видя в них потенциальных пособников германской армии.

Отдохнув, выселенцы двинулись дальше. Когда вошли в границы города, разошлись по родственникам. Дом тети Оли располагался на длинной окраинной улице, которая в народе называлась Косенковской, а официального названия не знаю.

Тетю Олю о нашем приезде предупредил дедушка, когда приезжал в Острогжск. Изначально ее семья состояла из пяти человек. Фамилия ее мужа — Стрельцов. Трое детей: Павел, 1912 года рождения, Николай, 1919-го и Анна — 1925 года. Муж умер примерно в 1936 году. Когда мы приехали, Павел был военным юристом в армии. Получил юридическое образование и до войны работал следователем в Острогжской прокуратуре. Они с женой Пашей и детьми — Виктором, 1936 года рождения, и дочерью Риммой — 1938-го, жили в доме матери. У Николая были какие-то проблемы со здоровьем, и в армию его не призвали. Работал токарем на мотороремонтном заводе и после прихода немцев. Получал зарплату в марках, что позволяло их семье из шести человек сносно питаться.

У тети Оли был большой сад-огород, и овощей с фруктами им хватало. Дом был разделен: в половину семьи Павла вел вход из общего коридора. В половине тети Оли находилась кухня с большой русской печью и просторная горница. У Паши была небольшая комната с печкой, выполнявшая функцию кухни, и горница.

На это пространство, где размещались шесть человек, прибавились десять эвакуированных. В теплое время, вплоть до ноября, мы с Виктором много времени проводили во дворе. На улицу не пускали. За этим строго следил дедушка, державший ворота и калитку на запоре. Да и все жители без необходимости на улицу не выходили.

В эвакуации жилось очень трудно. Из еды — только картошка в мундире да хлеб из кукурузной муки крупного помола. Дедушка молот кукурузные зерна на изготовленной им ручной мельничке. Ежедневная картошка приелась до тошноты. Детям было полегче, а мама совершенно извелась. Мы хоть спали нормально на печи. А она спала урывками. Маленькая Нина и дочь тети Шуры постоянно плакали. Их кормили помятой картошкой и размоченным кукурузным хлебом, которые они уже не могли есть. Матери дошли до изнеможения, плакали ежедневно.

А девочки таяли на глазах. Первой умерла наша Нина, а недели через две Оля. Похоронили их в саду тети Нади, так как кладбище находилось далеко. После прихода наших, когда земля оттаяла, перезахоронили на городском кладбище. Мы бы тоже не выжили, продлись оккупация еще полгода. Кончились бы и картошка, и кукуруза, и подсолнечное масло.

Все вздыхали: «Когда же придут наши?», и всех мучил вопрос: а придут ли? Но ощущение, что пребывание здесь временное, не оставляло никого. Видимо, из-за того, что в доме тети Оли было много народу, мадяры на постой не совались, как в другие дома. Имело значение и то, что Николай был постоянным рабочим их предприятия. Мне кажется, даже охранная бумага от их властей имелась.

Однажды поздней осенью соседки позвали маму и тетю Шуру сходить в лес за опавшими полусухими дикими грушами. Каким же лакомством оказался нам компот из этих начавших подгнивать груш и нарезанной кубиком сахарной свеклы!

А другой раз, в начале декабря, возвращаясь от тети Нади, мы встретили Пашку Бычиху (жену Митьки Бычка, на самом деле Дмитрия Говорова), и она расска-

зала следующей. Ей удалось получить разрешение сходить на Луки к хуторянам, ухаживавшим за скотом. Она порадовалась тем, что коровы целы и за ними хорошо ухаживают. На хутор Пески пойти не разрешили, но узнала, что мадьяры ломают дома и сараи на топливо. В верхней части хутора разобрали ряд в сторону хутора Дивногорье, и на очереди ряд от дедушкиного дома вверх к лесу. В третьем ряду стоял наш дом. С этих пор мы жили с тревогой за жилье. А тетя Паша Бычиха поплакала на мамином плече о своем разрушенном доме, на том и расстались.

Значит, прекрасный дом, в котором я родился, дом большой семьи Петра Яковлевича Андрусенко, дядя Максима, уничтожен. Дом Митьки Бычка располагался в том же ряду через один. Рассказ мамы об этой встрече очень огорчил обитательей тети Олиной кухни.

Приближался 1943 год. Никаких приготовлений к его встрече не было. Стоял мороз до 20–25 градусов. Про погоду сообщал дяде Феде Николай, приходя с завода. Детей не выпускали на улицу. На все нужды в коридоре стояли ведра. На кухню зачастили группы по 2–3 человека мадьяр греться и пить чай. Тетя Оля постоянно держала чайник горячим. В январе стали засиживаться подолгу. Заходили немцы и выгоняли их на позиции. И те и другие стали нервными, злыми. Как-то вечером два немца заставили тетю Олю нажарить им картошки.

Чуть погодя взрослые засуетились. Начали относить в погреб одеяла, подушки, одежду. Не помню, что побудило к этому. Может, уже были слышны отдаленные выстрелы. Когда картошка для немцев была готова, даже голова закружилась от такого вкусного запаха. Сейчас я понимаю: видимо, добавили в сковородку банку мясных консервов. Но в этот момент в дом ввалилась толпа дроздов от холода венгерских солдат, и немцы, угрожая автоматами, выгнали их на позиции и не возвращались.

Дедушка заставил домочадцев немедленно перебираться в погреб. Картошку тетя Оля оставила на припечке. Все разместились в глубине погреба, а дедушка устроился на ступенях у выхода. Меня положил рядом. Наступила ночь, все уснули. Дедушка не спал, расталкивал меня, говоря, чтобы следил за тем, чтобы он не заснул. Насколько помню, Николая в ту ночь не было. Видимо, не отпустили с завода. Поэтому самым подходящим напарником по посту дедушки оказался я. За ночь в дом никто не заходил.

Стало развидневаться. Дедушка толкнул меня, и мы вышли из погреба во двор. Подошли к воротам, и дедушка, открыв калитку, выглянул на улицу. Взял меня за руку, радостно улыбаясь. По улице бежали красноармейцы в белых полушубках и забегали во дворы. Подбежал один и к нашему двору: «Здравствуй, отец! Дождались? В вашем доме немцев нет? Зачищаем город!» Потрепал меня по щеке и побежал дальше. Ликуя, мы бросились к погребу. Дедушка настезь открыл двери погребницы и, нагнувшись, прокричал: «Выходите! Наши пришли! Свобода!» Стали выбираться в дом. Мы опять вышли на улицу. Теперь она начала оживать. Красноармейцы прошли, стали выходить радостные жители.

Картошка, приготовленная для немцев, стала нашим трофеем. Мы же радовались нечаянному угощению. Один аромат консервированной говядины чего стоил!

Больших боев в самом Острогожске не было. Город освободили в результате Острогожско-Россошанской операции. Кольцо окружения немцев и венгров замкнулось западнее Острогожска. Оказавшись в кольце, фашисты рванули на запад...

Жизнь постепенно стала возвращаться в прежнее русло. К последним дням февраля из эвакуации вернулись почти все выжившие жители хутора. Но из детей в возрасте до трех лет пережила эвакуацию только одна девочка — Клава Бутова.